

DOI: 10.31168/0433-6.14

ОРДОВСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ

независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Россия)
mdot812@gmail.com

Дети России в эмиграции в КСХС-Югославии

Аннотация: В статье представлены странствия и жизнь детей в Королевстве СХС / Королевстве Югославия.

Ключевые слова: дети, беженцы, Королевство СХС, Королевство Югославия.

Гражданская война в России, длившаяся почти пять лет, огненным палом прошла по всей гигантской территории бывшей Империи. Известно, что именно гражданские войны отличаются безумной жестокостью и взаимной ненавистью воюющих сторон. Когда война приходит в твой дом, любой взрослый, хотя бы теоретически, может взять в руки оружие и защищаться, может отступить или, в конце концов, эвакуироваться с армией. Но есть люди, чья боль, чьи страдания обычно невидимы миру. Эти люди – дети, будущее нации. Именно они становятся главной, зачастую неосознаваемой жертвой кровавой междоусобицы, ибо дети беззащитны. Они не понимают, кем и почему разрушено их детство.

В 1918-1919 гг. из северных губерний европейской части страны во все стороны света устремились потоки людей, уходивших из-под большевицкой власти, ставшие в одночасье беженцами в родной стране. Бежали в основном на Юг, где с созданием Добровольческой армии, началось сопротивление новой власти.

Из воспоминаний Б.К. Ордовского-Танаевского (1909 – 2000), сына капитана второго ранга:

В ноябре 1918 года несколько морских офицеров решили уехать с семьями (*из Петрограда, авт.*) на юг России, где по слухам росло сопротивление большевикам. Они где-то достали небольшое торговое судно и на нём решили по каналам Мариинской системы добраться до Волги и спуститься по ней на юг. Зимовать решили в монастыре на Ладожском озере и весной тронуться в путь. Предло-

жили отцу присоединиться к ним. Отец отказался, потому что мы не имели зимних одежд, брошенных в Гельсингфорсе. Эта группа уехала без нас. Далеко они не уплыли. В верховьях Невы, у обводного канала Ладожского озера корабль задержали революционные рабочие и расстреляли всех, включая грудных детей.¹

Двоюродному прадеду автора, действительно статскому советнику по Морскому ведомству, врачу по профессии, Ивану Александровичу О-Т, выехавшему из Петрограда летом 1918 года с семьёй, включавшей 3-х детей, младшему из которых было 9 лет, удалось проехать (пройти) через воюющую страну и добраться до Севастополя. Он владел и профессией гинеколога, что не раз спасло им всем жизнь, поскольку к его услугам не раз прибегали боевые подруги командиров в армиях всех цветов.

Из воспоминаний казака Г.И. Нестерова (1920-2018):

Я высчитал, что по календарю, вероятно, 1-го августа девятнадцатого года было зачатие. И всё время, пока бежали, мать моя была мной беременна. Значит весь этот страх перешёл ко мне уже в чреве матери. И говорят, что страх, который накапливается у твоих родителей, он передаётся ребенку. И потому я считаю, если я позже был такой робкий и трусливый, так я это унаследовал. И знаю, кто в этом виноват. <...>

В Евпатории мы жили в кабинках, в которых раньше переодевались на пляже на берегу моря. Два квадратных метра, но всё ж есть крыша над головой. Вот там мать меня и родила. Во-первых, она голодала, во-вторых, была больна тифом. И я не только пострадал тем, что я стал трусливым. Но кроме того я всё время с самого зачатия и после рождения был вечно голодный. У матери не было молока, и они мне давали такую «жёвку», в тряпочке жеванный хлеб. <...>

Мама описывала, говорит, был как косточки в кулёчке. Гремели только. По счастью оказалось, что одна станичница, у неё было много молока и девчонка постарше меня, так что она меня подкармливала. Я потом её вечно почитал, как мою молочную мать.²

Надо сказать, что по малолетству дети воспринимали эти опасные странствия как увлекательные приключения, не сохраняя в памяти все испытания, выпавшие на их долю в этом бегстве. Это мо-

---

1 Архив автора.

2 Из интервью Г.И. Нестерова в фильме «Русский Корпус. Свидетельства». Расшифровка интервью в архиве автора. Далее «Расшифровка».

тив часто встречается в мемуарной литературе, ибо человеческая память обычно старается избавиться от тягостных впечатлений. Но, как мы видим, психические травмы остались у многих до конца жизни.

Из воспоминаний Б.К. Ордовского-Танаевского:

Это было одно из самых интересных путешествий, вроде тех, что описаны в авантюрных рассказах о путешествиях по Америке двести лет назад. Из Порт Петровска (*ныне Махачкала, авт.*) в Екатеринодар (*ныне Краснодар*) мы ехали три недели, сначала пароходом до станицы Старотеречной на море. Там пристани не было, высадились в море на парусные рыбацьи баркасы и до самого Екатеринодара мы все пахли рыбой, т. к. выкупаться и помыть одежду никакой возможности не было. Потом ехали на волах в телеге до Кизляра, где предполагали сесть на поезд. Да, поезд был, старенький паровозик и три товарных вагона. Какие-то добрые люди помогли нам влезть в этот поезд и проехать четырнадцать вёрст, а дальше дорога была разрушена гражданской войной. Дальше шли кусочки дороги пешком, ехали на телегах, запряженных волами, со скоростью одна верста в час, телегах с верблюдами с той же скоростью, на лошадях, ночуя на сеновалах в казачьих станицах, опять кусочки поездом, опять пешком и т. д. Предводительствовал нашим караваном, как мы его прозвали, «гусар в красных штанах», с усами как у Тараса Бульбы. Так мы добрались до Екатеринодара, главного города Кубанской области. Увы, город тоже был переполнен беженцами, как и все города России.³

В этом «интересном» путешествии участвовало четверо детей Константина Дмитриевича О-Т (1880 – 1939), младшему из которых едва исполнилось три года.

Большей части беженцев, сумевших добраться к концу 1919 – началу 1920 года до Новороссийска или Крыма, удалось в конце концов выехать из России и спасти свои семьи. Но, конечно, так повезло далеко не всем. Например, кадеты Одесского кадетского корпуса и многочисленные гражданские лица уходили из отечества с боем. Чёрные фигурки людей на белом льду Днестра были прекрасными мишенями как для румын, как и для красных. Среди покидавших Россию был офицер Николай Николаевич О-Т. На этом страдном пути на руках матери умер его первенец.

---

3 Архив автора.

Жители сибирских городов и посёлков уходили с армией А.В. Колчака на Восток, тяготея к Владивостоку и линии КВЖД.

И всё-таки – и всё-таки! – какие бы горести ни выпали на их долю, рядом с этими детьми были их родители.

О том, как русских «избеглице» приняли в Королевстве СХС в семьях бывших эмигрантов и по сей день хранятся восторженные воспоминания.

Инженер Георгий Владимирович Ярошевич (1909 – 1996):

Было мне тогда 11 лет. Помню, в ноябре 1920 г. наш поезд из Салоник переехал границу. Мы проезжали сербские села, разрушенные и сожжённые. Вдоль дороги попадались поля со следами недавних битв. На вокзалах крестьяне встречали наш поезд с горячим супом, чаем, молоком, бутербродами, жареным мясом, сыром... Постепенно, нас стали рассредоточивать по городам: отцепили вагон, и поезд продолжал дорогу. Ниш – отцепили вагон, Княжевац... Поехали дальше. Заечар... Неготин – последний вагон! В нём были мы.

Помню, толпа встретила нас на вокзале. «Русские приехали!» Сербки в нарядных национальных костюмах, со сплошной вышивкой... Тотчас забрали нас, детей, увели в свои дома. Согрели, выкупали, накормили. Кровати стелены чистым, белоснежным бельём. Два года я не знал про кровать. Заботились, как о родных.

Взрослых также приняли гостеприимно, сердечно. А на следующее утро все пошли в городское управление. Там происходила регистрация и размещение по домам, кого куда.

– Кто примет отца, мать с тремя детьми?

– Я могу.

– Бери!

– Я могу лишь мужа с женой.

– Принимай!

Всех пристроили. Итак, мы оказались на прочной почве, на месте, внушающем доверие. Нас ждала новая жизнь.⁴

Конечно, в жизни далеко не всё было столь радужно, но так или иначе, их «Великий Бег» завершился и впереди были двадцать лет мирной жизни.

4 Запись передачи Белградского радио от 12 октября 1990 г. Собрание А. Арсеньева. Цит. по: Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде. 1920-1944. В 2 книгах / Авторы-составители А. Арсеньев, М. Ордовский-Танаевский. Белград, 2018. Кн. 1. С. 17. (В дальнейшем «Гимназия в лицах»).

Но вот судьба детей, остававшихся во время гражданской войны в учебных заведениях «закрытого типа», коих было довольно много в старой России, оказалась ещё более тяжкой. В первую очередь это кадетские корпуса и девичьи институты находившихся на попечении государства. Однако, государство рухнуло. И в этой ситуации лишь очень немногие из них, оказавшиеся на Юге страны или на Дальнем Востоке, удалось вывезти из России ценой героических усилий персонала и жестоких страданий детей. Из всего обилия российских школ «закрытого типа» в Королевство СХС удалось вывезти только три (сборных) кадетских корпуса и два девичьих института (в общей сложности 274 воспитанницы).⁵ Эти дети уезжали из России без родителей. Для них отъезд был настоящей трагедией, поистине исходом в неизвестность. Во время эвакуации кадеты и институтки пережили ужасы войны, долгую жизнь впроголодь и бесконечные переезды. На этом их пути остались могилы товарищей и подруг, умерших от истощения и эпидемии сыпного тифа, свирепствовавшей в стране. Они прибыли в КСХС, отягощенные психическими заболеваниями, у многих были обморожены пальцы на ногах. Но, благодаря настоящему героизму их наставников, они остались живы и обрели будущее. С тех пор прошло сто лет, но до сих пор нет даже оценочных цифр погибших на беженском пути российских детей.

Попавшие в руки красных закрытые школы были разграблены. Персонал частично разбежался, остальных приказным порядком временно оставляли на службе, а пытавшихся оказать сопротивление уничтожали. Бывшие воспитанники влились в армию беспризорников, бродивших по бывшей Империи. В РСФСР на 1922 г. официально числилось порядка 6 миллионов беспризорных детей. Постепенно их собирали в детские дома и успешно перевоспитывали, осмеивая и выкорчёвывая все то, что успели вложить в их души мама, папа и школьные педагоги.

Согласно анализу и скрупулёзному подсчету историка Мирослава Йовановича, в КСХС осело около 44 тысяч выходцев из России.

В архивных фондах Министерства просвещения КСХС отложился отчёт о численности детей русских беженцев на начало 1922 года:

---

5 См.: Кадетские корпуса за рубежом. 1920 – 1945. Нью-Йорк, США, б.г.; Мариинский Донской Институт. Нью-Йорк, 1975.

Возраст	Мужского пола	Женского пола	И т о г о
до 1-го года	49	49	98
1 – 2 года	188	198	386
3 – 5 лет	236	225	461
6 – 10 лет	592	538	1.130
11 – 18 лет	2.321	1.262	3.583
И т о г о	3.386	2.372	5.658

Примерно 28% эвакуированных детей оказалось в КСХС без родителей или родственников.⁶ Это более 1.500 человек! Лишь очень и очень немногим удалось воссоединить разделённые войной и границами семьи.

Нужно сказать, что усилиями наиболее активной части русской эмиграции и с помощью Королевского правительства удалось избежать самого страшного – детского бродяжничества. Конечно, были отдельные случаи, но не как массовое явление. Например, семья бывшего дипломата Павла Артемьевича Лобачёва (1874 – 1921) прибыла в 1919 году пароходом в Дубровник в полном составе: родители и четверо детей. И вот случилось так, то отец и мать скончались один за другим. Братья Юрий и Святослав попали в сиротский дом, откуда благополучно сбежали и с полгода беспризорничали, зарабатывая на жизнь чисткой обуви. Скоро им повезло: они были приняты в «плетнёвскую» гимназию в Белграде. Впоследствии Юрий (Джордже) Лобачёв (1909 – 2002) стал художником, создателем югославского комикса. Из книги воспоминаний Юрия Павловича «Когда Волга впадает в Саву: мой жизненный роман» (Белград, 1997):

Мы с братом Святославом рано утром крадучись вышли из товарного вагона и первым пароходом из Земуна прибыли в Белград. Разыскали Новопазарскую улицу, где находилось общежитие Первой русско-сербской гимназии. Прибыли туда к 10-ти часам. Были мы неподстриженными, в лохмотьях, пыльные, очень усталые и... голодные. Заведующий интернатом, Гротто-Слепиковский, воспитатели и ученики, все собрались поглядеть на это чудо. Ещё и потому,

6 *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. С. 186.

что мы оба не особенно правильно говорили по-русски. Выслушав мой рассказ, а я ничего не скрыл, и узнав, что нам неизвестно, где в Белграде проживают наши старшие брат и сестра, заведующий обещал, что постарается решить наш вопрос. Воспитателю Н.А. Чернышёву он велел нас выкупать (к счастью, у нас вшей не было, что их всех очень удивило), кое-как одеть, накормить и отправить спать. После шести месяцев мы впервые помылись тёплой водой, мылом, вытерлись настоящими полотенцами. До тех пор Дунай был нашей купальней, песок – мылом, а солнце – полотенцем. Как в раю, мы вкусили щи, тефтели с макаронами, горячий сладкий чай, хлеба – сколько угодно! А сама кровать! Нас уложили в помещении для больных, и мы вмиг уснули.

На ужин нам подали кашу с горячим сладким чаем, и снова – неограниченное количество хлеба.⁷

Детские приюты, созданные в Панчеве, в Белой Церкви и в монастыре Хопово на Фрушка-Горе, принимали детей до 11-ти лет. Сюда приводили тех, кто остался без близких. И пусть вначале они работали в нищенских условиях, но именно забота и внимание воспитателей и нянечек помогали детям пережить самое тяжёлое для них время. В приютах вновь зазвучал детский смех. Многие сироты были приняты как в русские, так и в сербские семьи. И всё же, всё же... Их детство было убито войной и скитаниями, и, вырастая, они входили в жизнь так и не познав настоящей родительской ласки.

Неимоверно тяжело начиналась эмигрантская жизнь. Понятно, что у родителей, вечно занятых работой, не оставалось времени, чтобы возиться с детьми.

Из воспоминаний Г.И. Нестерова:

С детьми особенно не пешкались. <...> Сколько мне могло быть? Год, может быть. Я начал уже ползать. А там всюду были посажены тутовые деревья. С них ягоды сыпались. И я лазил и ел, наполовину земля, наполовину ягода и вот этим я, наверное, восстановил своё здоровье. Так что в Воеводине я впервые в жизни больше не голодал.⁸

Глядя на сохранившиеся фотографии эмигрантских семей первой половины 1920-х годов, на воспитанников приютов и школ, вы нигде не увидите детских улыбающихся лиц. Напряженные лица, строгие глаза, тонкие шейки, худенькие, если не сказать измождённые

7 Цит. по: Гимназия в лицах... Кн. 1. С. 306-307.

8 Расшифровка. Архив автора.

ные тела. На их одежду сейчас больно смотреть, хотя я помню, что примерно также выглядели и мы, дети в послевоенном Ленинграде.

Дети семей, расселённых в провинции, довольно быстро освоили уличный сербский язык и вошли в компании односельчан своего возраста. Думаю, что дразнилка «Рус – купус» родилась именно в их среде. Однако во всех семьях действовало единое правило: дома только по-русски. В городах было немного сложнее, поскольку родители по возможности оберегали детей от влияния «улицы». Впрочем, кто в детстве соблюдал родительские запреты? Приехавшие с семьями дети очень рано начинали работать. С 8-10 лет они нанимались на сезонные работы в поле, подростки постарше работали с отцами на строительстве дорог и тоннелей. Это было действительно тяжело. Ну и всяческая домашняя работа тоже ложилась на детские плечи.

О том, как работали на строительстве, вспоминал бывший гимназист Антоний Антониевич Мирный (1902 – 1987):

Гимназистом 7-го класса эвакуировался в Сербию с казачьими войсковыми частями в мае 1921 г. Мои родители остались на Кубани. Подкормив и дав нам возможность месяц отдохнуть, нас послали на работу, на постройку железной дороги Ниш-Княжевац. Работа была тяжёлая, особенно зимой. Мы получали по 10 динар в день, на эти деньги должны были кормиться, платить за квартиру, покупать опанки, а обмундирование уже было своё, войсковое. Кормились из общего котла. С обувью было хуже, работали в опанках из свиной сыромятной кожи. От острого щебня на полотне железной дороги ступни ног были в кровавых подтёках. Зимой работали на морозе голыми руками, т. к. не было денег на покупку рукавиц. Носили обледенелые шпалы на плечах; железные клещи, которыми держали рельсы, примерзали к ладоням. Я всё думал о том, как продолжить образование и уйти от такой тяжёлой работы. Но как это сделать?⁹

Прибывшие в Королевство кадетские корпуса поначалу разместили в малых городах в непригодных помещениях. По сообщениям инспекторов из Министерства просвещения крыши многих зданий протекали. Воспитанники и педагоги обучали, обучались и спали в одном и том же помещении. Вещи на ночь клали под голову. Постельного белья не было вообще, нательное и обувь были в жутком состоянии, часть учащихся ходила босиком. Для полноты картины прибавьте сюда и тяжелейшие условия казарменного быта.

---

9 Гимназия в лицах... Кн. 1. С. 594.

Гражданских лиц принимали в распределительном пункте на окраине Белграда в пустом трамвайном парке на Александровской ул. №130. Долгое время помещения кишели бездомными русскими всех возрастов и положений. Парк прозвали «домом чудес». Там столовались, ночевали, учились.

О состоянии здоровья прибывших в Королевство детей мы можем судить, например, по сохранившимся отчетам профессора Радована Кошутича, который объездил в июне 1922 года русские учебные заведения по всей стране. Вот что он пишет об учениках 1-й русско-сербской гимназии («плетнёвской») в Белграде, которая была открыта уже в октябре 1920 года.

Ученики производят впечатление детей, страдающих малокровием, из-за недостаточной пищи, и слабо развитых. Их одежда опрятна, но у большинства потрёпана, перекраивалась, много раз латалась и была больше по росту. В интернате еда учеников недостаточно разнообразна и не хватает жиров, сахара, поскольку отпущенные средства ограничены.¹⁰

Еще более тяжёлую картину, отражающую общее состояние русской эмиграции, рисует Александр Александрович Солонский, бывший семь лет гимназическим врачом, начиная с 1 сентября 1922 года. Он пишет, что в составе учащихся первых лет работы гимназии было много «переростков», в старших классах занимались люди 23–25 лет. Многие были участниками боевых действий, с ранениями и контузиями, носили следы голода и лишений.

Неудивительно поэтому, что среди учащихся мы находим 5% нервно больных, что среди них был 1 эпилептик, 2 страдающих травматическим неврозом, 3 с тиком; среди девочек наблюдались 2 случая тяжелой пляски св. Витта, несколько с истерией и истеро-неврастенией. С последствиями ранений было 4 чел. Были ученики, по своему возрасту и болезненности не попавшие ни в одно из других русских учебных заведений, – их приютил и дал возможность окончить среднее образование бывший директор В.Д. Плетнёв.

Были ученики, родители которых остались в России, другие их потеряли во время эвакуации, у третьих материальное положение семьи было отчаянное... <...>

Была ещё чрезвычайно важная причина для большого количества неврастенических проявлений среди учащихся. Дело в том,

---

10 Архив Југославије. МПс. 66-1111-1442. Извештај од 24.6.1922.

что вследствие бывшей в России обстановки военного времени и частых эвакуаций учащихся, нарушилась система образования, ученики оказались отставшими и должны были восполнять много пробелов. Между тем программа I Русско-Сербской гимназии была чрезвычайно велика... Отсутствие учебников по русским предметам заставляло вести записи, что отнимало и без того небольшое свободное время.¹¹

Говоря о заболеваемости туберкулёзом среди учащихся гимназии доктор А.А. Солонский отмечает, что и КСХС, и Белград с этой точки зрения были весьма неблагополучны.

К этому присоединяется скученность, низкий прожиточный минимум, перебременённость работой. И действительно русские дети очень рано и в большом проценте заражены туберкулёзом. <...>

Особенно неблагоприятно складывались обстоятельства у приходящих учеников в Белграде.

В первое время русские эмигранты ютились в маленьких комнатах на мансардах, где летом нестерпимо душно, а зимой очень холодно, или в низких комнатках одноэтажных домиков, где зимой двери открываются прямо на улицу, а летом душно, отсутствует канализация. Многие дети ходили издалека пешком в рваной обуви и с мокрыми ногами проводили часы занятий. <...>

За десять лет умерло от туберкулёза лёгких 2 чел. Было больных туберкулёзом лёгких 18 чел., костным 12.¹²

С 1925 года дети, подозрительные по туберкулёзу или со скрытыми формами, пользовались лечением ультрафиолетовыми лучами в Детской амбулатории Российского общества Красного креста.

Так или иначе, самые тяжёлые времена, оставляя в душах шрамы и ожоги, уходили в прошлое. Но ведь и хорошие тоже не вечны. Нужно сказать, что отнюдь не вся русская колония «села на чемоданы» в ожидании скорого возвращения домой. Нашлись люди, которые понимали, что, возможно, родные края оставлены надолго, если не навсегда. А деток надо учить...

Полковник юстиции в отставке, профессор СПб университета Владимир Дмитриевич Плетнёв определил эту задачу ещё на пароходе «Константин», вышедшем весной 1920 года из Константинополя в направлении Королевства СХС.

Из воспоминаний протоиерея о. Петра Миловидова:

---

11 Гимназия в лицах... Кн. 1. С. 55-56.

12 Там же. Кн. 1. С. 56.

Он (*Плетнёв, авт.*) с горячим воодушевлением убеждал нас позаботиться о воспитании подрастающего поколения, которому предстоит большая и серьёзная работа в новой России. Нужно сейчас же, после водворения в новой стране, открыть русское учебное заведение, в котором наши дети в состоянии будут сохранить русское самосознание, свою веру и обычаи, упорным трудом закалить себя для творческой работы в России.¹³

Сам В. Плетнёв, создатель и первый директор 1-й русско-сербской гимназии в Белграде, позднее писал:

Мы не были оптимистами. Вспоминаю: в разговоре с тогдашним «Государственным представителем», князем Григорием Трубецким, у которого было четверо детей школьного возраста, я настаивал на том, что возникла необходимость срочно найти средства для открытия хоть одной (русской) гражданской школы в Королевстве. Князь Трубецкой считал, что открытие такой школы совсем не нужно, «так как мы (разговор состоялся в августе) не позднее самого августа непременно возвратимся в Россию». К счастью, среди ответственных государственных деятелей Королевства СХС оказалось немало особ, которые поняли всю необходимость срочной культурной сербской помощи русским, по мере возможностей, и в интересах достижения новой идейной системы, которая обеспечит новому поколению те живые источники национальной силы и широкой общечеловеческой воли, характерной для великой исторической нации, поддерживающей её в тяжёлые исторические минуты.

Большое спасибо сербам. Они поняли и первые во всём мире удовлетворили эту культурную нужду. Мне не приходилось прикладывать особых усилий, чтобы убедить людей, занимающихся русскими вопросами, в необходимости оказать помощь при открытии русской гражданской школы.¹⁴

В короткие сроки на новом месте с помощью Державной комиссии по делам русских беженцев удалось создать на всей территории Королевства стройную, разветвлённую систему как начального, так и среднего образования, действовавшую вплоть до исхода русской колонии из Югославии в 1944 году. В эмиграции в КСХС-Югославии оказалось значительное число профессоров из российских университетов, поэтому преподавательский состав в русских школах был исключительно высоким по своему уровню. При этом мно-

13 Там же. Кн. 1. С. 34.

14 Там же. Кн. 1. С. 35.

гие русские профессора, получившие работу в университетах, вели занятия в школах и гимназиях бесплатно. Можно уверенно сказать, что практически все дети, как прибывшие в КСХС-Югославию из России, так и родившиеся уже в эмиграции, смогли, при желании родителей, получить полноценное национальное образование.

Вот некоторые цифры: Донской Императора Александра III кадетский корпус до его закрытия в 1933 году окончил более 600 человек; Крымский кадетский корпус (закрыт в сентябре 1929 г.) окончил 616 юношей; обучение в Русском кадетском корпусе (позднее 1-й Русский ВККККК в Белой Церкви) до его закрытия в 1944 году прошло 906 человек; Харьковский девичий институт до закрытия в 1941 г. выпустил 319 воспитанниц; Мариинский Донской девичий институт, закрывшийся в 1941 г., окончил около 600 девушек; Первую Русско-сербскую девичью гимназию с общежитием в г. Велика Кикинда (закрылась в 1931 г.) успело окончить около 200 учениц; 1-я русско-сербская гимназия в Белграде за 24 года существования выпустила из своих стен более 1000 человек, без учета тех, кто покинул гимназию, сдав только экзамены «малой матуры».

Следует сказать, что соблюдение традиций ушедшего «русского мира» было повсеместным и в кадетских корпусах, и в институтах, но у девушек дореволюционные программы с упором на добротное изучение языков, всё же оказались более практичными. В кадетские корпуса отдавали мальчиков из семей потомственных офицеров. Была и еще одна важная причина: обучение в корпусе требовало от семьи значительно меньших материальных затрат. Из семейств, не исповедовавших монархические идеи, дети чаще попадали в реальные училища и гимназии. Среди родителей бытовало мнение, что в корпусах слишком большое внимание уделяется воспитанию в духе «Бог и Царь!», возврат же на родину с течением времени становился лишь мечтой, да и прежней России не суждено будет возродиться.

Конечно, не одна лишь учёба заполняла жизнь детей. Упрямые русские, ни в одной стране не желавшие ассимилироваться, создали для своих отпрысков Русское Сокольство и многочисленные скаутские отряды. Огромной популярностью в школах и гимназиях пользовались театральные и балетные студии и кружки. Так в рождественские дни декабря 1929 года в Белграде на сцене «Сала Радничке Коморе» был дан гоголевский «Ревизор», поставленный силами гимназистов-«плетнёвцев» под руководством воспитателя в

интернате С.В. Зозулина. В антрактах играл гимназический оркестр под управлением В.П. Ковалевского. Замечательный спектакль надолго запомнился русскому Белграду. Да и сербская пресса отметила его в театральной хронике. Позднее, когда был отстроен Русский дом, в его отличном зале не раз игрались спектакли с участием актёров-детей. Ещё одним школьным увлечением была литература. Молодые люди почему-то очень любят писать стихи. В большинстве русских школ существовали литературные кружки и объединения, выпускались рукописные журналы и классные газеты. Знаменитые поэты второго поколения русского зарубежья, такие как Илья Голенищев-Кутузов, Лидия Алексеева и другие, прочли свои первые вирши в этих объединениях. А в журналах иногда появлялись вещи, заявлявшие о настоящем литературном даровании автора.

Русские дети были постоянными участниками спортивных соревнований, отдали дань повальному югославскому увлечению шахматами и так далее и так далее. Российский Общевоинский Союз (РОВС) создал систему военной допризывной подготовки для юношей. Словом, выходило так, что русские «избеглице» вошли в жизнь принявшей их страны всерьёз и надолго. Обо всём этом существуют серьёзные научные работы и написаны многие страницы воспоминаний.

Приведу любопытные сведения о профессиях отцов (в России) 154-х учеников и учениц, окончивших гимназию, за годы их обучения в 1926-1930 гг.:

- офицеры	47 (30,6%)
- юристы	26 (17,5%)
- инженеры	23 (14,0%)
- чиновники	11 (7,0%)
- врачи	8 (5,1%)
- крестьяне	6 (3,8%)
- купцы	6 (3,8%)
- педагоги	6 (3,8%)
- помещики	5 (3,2%)
- промышленники	4 (2,6%)
- священники	3 (1,9%)
- техники, рабочие, художники, агрономы	2+2+2+2.

В 1940/41 учебном году отцами (профессии уже в Югославии!) выпускников обеих гимназий были:

- преподаватели..... 13 (6,0%)
- чиновники 99 (45,7%)
- врачи, адвокаты, инженеры, интеллигенция 44 (20,3%)
- рабочие ..... 13 (6,0%).¹⁵

Это очень показательные данные. За прошедшие два десятка лет жизнь русских беженцев в той или иной степени вошла в нормальное русло. Страсти утихли, «чемоданные настроения» прошли. Теперь уже в гимназии пришли дети чиновников и интеллигенции, спокойно начавшие свое регулярное образование в основных школах. А в середине 1930-х годов наступит черед тех, кто родился уже в изгнании, вне России. Естественно, что они входили в жизнь в более благоприятных материальных условиях.

Когда в 1939 году в Европе началась Вторая мировая война, Югославии, находившейся в окружении враждебных стран, предъявлявших Королевству территориальные претензии, всё же почти два года удавалось придерживаться нейтралитета. Но логика войны неумолима: она втягивает в свой кровавый омут всё новые и новые народы. После проигранной Апрельской войны Королевство Югославия перестало существовать.

Из воспоминаний бывшей гимназистки Т.А. Дубровá (Плищенко):

Немцы напали на Белград совершенно неожиданно, 6 апреля 41-го года. Через пару часов наша квартира сгорела со всем в ней бывшим. Вот, папа похватал какие-то свои ордена, бумаги, послужной список. Сгорело всё. Мы остались на улице. Сначала пару дней жили у папиного друга, потом в общежитии, но папа скоро ушёл в Русский Корпус, и мама сняла комнату в доме, где жили Хитрово, Раевские и Заботкины. В саду были кусты малины, чем мы, конечно, пользовались. Но шла война! И мы нашли какие-то брошенные сербские шлемы, пилотки и сделали себе какую-то «форму». Короче говоря, играли в «солдатики». Командиром у нас был Михаил Баумгартен, офицером Митя Заботкин, а мы с Катей Раевской – солдатики.

---

15 Гимназия в лицах... Кн. 1. С. 54-55.

Даже окоп вырыли! Мне было тогда девять лет. Вскоре вся семья Раевских уехала в Германию, а мы с мамой в другой дом.¹⁶

Дети во всём мире играют в «солдатики», но потом, если повезло, они становятся взрослыми. Вероятно, именно 22 июня 1941 года можно считать датой начала конца русской эмиграции в КСХС-Югославии, финальный акт которого растянулся на десяток лет. В стране развернулось инспирированное Коминтерном партизанское движение под руководством Йосефа Тито. Очень возможно, что немало тех, кто когда-то гонял тряпичный мяч вместе с русскими пацанами, пришли в 1941 году в партизанские отряды. Титовцы начали с нападений на врагов «батюшки Сталина» – белых русских: за лето 1941 года погибло более 150 эмигрантов. Вырезали семьями, детей не щадили. Русская эмиграция оказалась в оккупированной, раздираемой гражданской войной стране. Счастье закончилось.

Повсеместно русских увольняли с государственной службы. В их дома снова вошла нищета и полуголодное существование. При этом на территории Сербии большая часть русско-сербских образовательных учреждений продолжало работу вплоть до осени 1944 года. Учебные программы существенно не изменялись. В качестве иностранного языка обязательным стал немецкий, для мальчиков вводилась физическая и строевая подготовка, девочкам кое-где преподавали стенографию и учили печатать на пишущей машинке. В Независимом государстве Хорватия все подобные школы были разогнаны, ученики и преподаватели разбежались, но многие из них погибли во время геноцида православного населения.

Из воспоминаний Татьяны Решиковой (Фриш), выпускницы русско-сербской женской гимназии в Белграде 1943 года:

Наступила осень и нам, гимназисткам и гимназистам, пришло время возвращаться в классы. Этот первый в оккупацию учебный год был самым тяжёлым. Гимназия перестала получать государственную субсидию и теперь существовала на собственные средства, то есть, учение стало платным. Мы переживали множество лишений: страдали от холода и недостаточного питания. Невольно вспоминается первая холодная зима: окна в гимназии забиты картоном, мы сидим в классах в пальто, шапках и перчатках. Пальцы на руках коченеют, писать трудно; трудно и сосредоточиться – уж больно холодно! С нетерпением ждём большой перемены, когда получим по

---

16 Там же. Кн. 2. С. 434.

тарелке горячего супа. От этого становилось приятно и тепло, но, увы, ненадолго. А придя домой – та же картина. Но молодость брала своё и все препятствия преодолевались. Увы, не было больше никаких «матинешек», на которые мы с удовольствием ходили «дрыгать ногами», по выражению отца моей подруги. Нам же, по молодости лет, хотелось развлечений, и мы встречались по домам и танцевали под граммофон, но это далеко не заменяло веселых матине, где строгая Варвара Николаевна зорко следила за нашим поведением, а также за нашим внешним видом. Не дай Бог, у кого-то подмазаны губки или «патлы распущены»!

Так наступила осень 1942 года; начался новый учебный год. Гимназические ряды сильно поредели: многие из мальчиков поступали в ряды Русского Корпуса или уезжали на работы за границу. Летом я проводила своих лучших подруг, уезжавших в Германию. Мне было грустно и одиноко. Дома мы с мамой остались совсем одни. Родные, друзья и знакомые поразъехались.¹⁷

Да, спасая детей из кровавой югославской сумятицы, многие уезжали в Германию – но это была лишь отсрочка близкого уже финала. Союзники уничтожали немецкие города ковравыми бомбёжками. В апреле 1944 года союзническая авиация жестоко бомбила Белград и другие промышленные города Сербии, при этом, как обычно, мирного населения, в том числе и детей, погибло значительно больше, чем немецких военнослужащих.

В конце лета командованию Русского корпуса удалось добиться от оккупационных властей разрешения на эвакуацию из Сербии всех тех русских эмигрантов, кто захочет уехать. Власти предоставили вагоны для беженцев. Новый исход начинался из стен Русского дома на улице Кральицы Наталии. Всем было ясно, что уезжают навсегда. На сей раз «увлекательное» путешествие происходило под гул бомбёжек.

Из воспоминаний Надежды Владимировны Коженковой (р. 1930, Белград):

Моя мама и я эвакуировались из Белграда осенью 1944 г. Я успела получить свидетельство «малой матуры» без сдачи необходимых экзаменов. В гимназии нам объявили, что нас посадят в автобусы и потом на поезд, и мы поедem в Германию. И чтобы все книж-

---

17 I Русско-Сербская гимназия. Памятка. Белград 1920 – 1944. Нью-Йорк, 1986. С. 159-160.

ки, которые у нас были библиотечные, чтобы все вернули до 8-ми часов утра следующего дня.

Утром мы все пришли. Ученики гимназии, и все те, которые уезжали. Я была с мамой. Поскольку отец мой был недавно убит, нам сказали, что мы пойдём в первую очередь. Мы и ещё там две семьи. Нас посадили на поезд, и мы приехали сначала в Панчево. Пришлось нам там ожидать, потому что была бомбардировка. В конце концов поезд отправился. Нам сказали, что едем через Вену, а там оставят всех родителей, которые приехали, а только молодежь отвезут ещё куда-то.

Приехали мы в Вену, маму от меня отобрали, и мы здесь остались. Я осталась и ещё 4–5 человек моего возраста, которые учились со мной. Мы поехали дальше, но мы не знали, куда мы едем. По-немецки мы так, мало-помалу говорили. После целого дня путешествия к ночи мы приехали в Берлин. И тут большая бомбардировка была. Мы все из вагонов бросились бежать в убежище. Когда мы были в убежище, мы увидели всех вместе, тех, кто ехал в других вагонах. А куда мы едем и где мама, где тётя – никого! Ну, начали мы плакать, и нас после этого повели опять в вагон, и Красный крест немецкий нам дал какие-то сэндвичи или что-то в этом роде. Поехали дальше. На следующее утро мы приезжаем, выходим из вагонов, потом мост, а там нас повели на остров какой-то. Говорят, это остров Рюген. И только тогда мы узнали, где мы, а много лет спустя я узнала, что это было место, где ракеты ФАУ-2 выпускали. Нам сказали: вы здесь будете работать. Но ещё целый день прошёл, потому что у нас запись была, сколько лет и так далее. Когда прочитали, что мне только 14 лет, а не 16, тогда через два дня нас, маленькую группу, человек десять, отправили обратно в Германию.

Впоследствии мы с мамой оказались в DP лагере «Парш» в Зальцбурге, в Австрии. Здесь я продолжила обучение.¹⁸

Из Белой Церкви выехал и кадетский корпус. Девичий интернат г-жи М.А. Неклюдовой оказался сначала в чешском городе Рокитнице, а позднее, по мере приближения Красной армии, перебрался в Саксонию, в г. Аннаберг-Буххольц. Но и это не спасло воспитанниц. Все они, кроме нескольких девочек, которых успели вывезти родители, оказались в руках советских воинов. Лишь нескольких девочек удалось позднее вернуть из СССР родителям.

---

18 Гимназия в лицах... Кн. 2. С. 455.

Но и эта история, и беженские лагеря Ди-Пи, в некоторых из которых даже удавалось создать школы и гимназии для продолжения обучения русских детей – всё это уже другая повесть.

После полного освобождения Югославии в мае 1945 года случилось массовое братание с русскими, (а любой советский заграницей всегда воспринимался русским). В стране остался с десятков тысяч русских эмигрантов, наивно полагавших, что к ним не может быть претензий, поскольку они никак, ни в чем предосудительном в военные годы не участвовали. Они, конечно же, не понимали, что само слово «эмигрант» навсегда останется для них «каиновой» печатью. Возвращавшихся из Германии русских ждали допросы, аресты и трудовые лагеря. Не покладая рук трудился СМЕРШ, выявляя среди оставшихся в стране деятелей НТС, РОВСа и казачьих станиц. В Белграде и в других городах бесследно исчезали «бывшие». Однако, массовый переход в советское гражданство, культ русского языка, цветы, объятия и братание – всё это истерическое буйство окончилось известной Резолюцией Коминформбюро от 23 июня 1948 г. Откат назад был страшен. Аресты, суды, концлагерь на Голом острове. Русских эмигрантов депортировали в принудительном порядке.

Из воспоминаний Павла Григорьевича Волкова (р. 1922, КСХС):

В сентябре 51-го года, в 1½ ночи вдруг неистово затрещал квартирный звонок. «Милиція, открывай!» Когда вошли: «Вы арестованы, собирайтесь!» Я указал на сына 2½ лет: «А он?» «Да. И он арестован. Можете взять только 2 чемодана». Их было трое. Когда нас спустили со 2-го этажа и посадили в «чёрный ворон», в нём уже сидела такая г-жа Жукова Софія Кирилловна. <...>

К рассвету подвезли нас к тюрьме. В ней оказалось уже много народу, а в течение дня подвозили ещё, так что к вечеру в большой комнате на полукаменном и покрытом досками (полу) оказались 64 души: женщина с ребёнком, мой преподаватель истории сербской Всеволод Георгиевич Якимов с супругой сербкой с сыном, немного большим, чем мой, директор нашей гимназии с супругой, одноногий мужчина и т. д. Всю ночь при свете лампочки провели, давя клопов, которые на нас падали с потолка.

Утром всех вывели во внутреннюю двор и тут главный «тюремщик» майор Майзец прочёл нам нотацію и объявил, что наш путь сейчас в Болгарию с пожеланием, чтобы нас проглотила «мутная Марица». На грузовиках нас отвезли на запасную линию железной дороги, посадили в вагон с угрозой, чтобы не вздумали открывать окна – бу-

дут стрелять. И под стражей повезли на юг, к болгарской границе до ничейной полосы земли. Въехав в эту зону поезд замедлил ход, наши проводники соскочили и в ночной тишине пошли к своей границе, а наш поезд покотился дальше до первого болгарского городка.¹⁹

С 1951 года русская эмиграция в Югославии, как историческое явление, перестала существовать.

Но в какие бы дали не забросила судьба всех тех, кто вырос и сформировался как личность в КСХС-Югославии, каждый из них всегда заявлял: «**Отечество моё Россия, а родина – Югославия**».

В 1940 году Королевское правительство (кстати, последними в Европе) установило дипломатические отношения с СССР, что весьма насторожённо восприняла русская колония. Затем, в марте 1941 года состоялось подписание Договора с Германией, результатом которого стал государственный переворот в стране, происшедший не без помощи хитрых англичан, и Договор с немцами был расторгнут. Тут терпению фюрера приходит конец, и 6 апреля 1941 года немецкая авиация варварски бомбит Белград и другие югославские города, а танковые части атакуют Югославию.

---

19 Гимназия в лицах... Кн. 2. С. 203.

Mikhail Ordovsky-Tanayevskiy,
independent researcher

**The children of Russia in emigration in the Kingdom
of SCS / Kingdom of Yugoslavia**

Abstract: The article deals with the journeys and life of the children in the Kingdom of SCS / Kingdom of Yugoslavia.

Key words: children, refugees, The Kingdom of SCS, The Kingdom of Yugoslavia.